DOI: 10.31079/1992-2868-2021-18-2-38-43

КАК ВОЗМОЖНА ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ИЛИ О РОЛИ ФИЛОСОФСКОЙ ОСМОТРИТЕЛЬНОСТИ И ПРОЗОРЛИВОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ЧЕЛОВЕКОЗНАНИИ

В.И. Чуешов

В статье рассмотрены особенности философской осмотренности и прозорливости как методологической и мировоззренческой рефлексии предпосылок современного человекознания и ее роль в критической проверке современных научных фактов и аргументов о природе, сущности и экзистенции человека, разработанной основоположником Санкт-Петербургской школы философской антропологии Б.В. Марковым, а также показано ее отличие от подходов в западном человекознании.

Ключевые слова: философская антропология, индекс счастья, экономический империализм, философская осмотренность и прозорливость, розовый философский оптимизм.

HOW IS A PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY POSSIBLE, OR ABOUT THE ROLE OF PHILOSOPHICAL PRUDENCE AND FORESIGHT IN MODERN HUMANITIES

V.I. Tchouechov

The article deals with the features of philosophical prudence and foresight as a methodological and world-view reflection of the presuppositions of modern humanity and its role in the critical analysis of modern scientific facts and arguments about human's nature, essence and existence developed by the founder of the St. Petersburg school of philosophical anthropology B.V. Markov and also shows its originality in comparing with approaches in Western humanities.

Keywords: philosophical anthropology, happiness index, economic imperialism, philosophical prudence and foresight, pink philosophical optimism.

Конечно, лучше видеть будущее в розовом свете, чем в черном, иначе жизнь станет невыносимой.

Марков Б.В. Знаки бытия

Введение

Приметой наших дней стала почти полная утрата на постсоветском пространстве интереса к человеку и его философии (философской антропологии), прежде всего, в его абстрактно-теоретическом облике.

Конечно, и сегодня еще кое-где и иногда звучат отголоски эха советского гимна человеку. Однако они на поверку чаще всего оказываются симулякрами, используемыми политиками в соответствии с предупреждениями Цицерона о том, что «*Epistola non erubescit*». В отличие от некрашающей бумаги как абстрактно-теоретические, так и практико-технологически ориентированные рассуждения о человеке в наши дни, даже еще до их четкой артикуляции, пристрастно и жестко поверяются не столько традициями и публичностью современных социальных институтов, сколько сизифовскими

оценками обычно не вполне прозрачной и точной калькуляции цены простого воспроизводства человеческой жизни. Такого воспроизводства, в котором бытие и сущность, совесть, счастье и экзистенция человека если и измеряются, то весьма приблизительно и в последнюю очередь.

Современные калькуляции расходов государства и общества на человека и, наоборот, скрупулезные подсчеты человеком собственных доходов и расходов с помощью ассигнаций и(или) биткоинов скользят по поверхности «тонкой материи» душевности и духовности человека. В крайнем случае они становятся примером экспансии в них стандартов бытия человека экономического, как в виде, например, экономического империализма беккеровского типа, так и в виде популярных нынче замысловатых конструкций разнообразных индексов счастья государств и народов.

Чуешов Виктор Иванович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой Академии управления при Президенте Республики Беларусь (г. Минск, Беларусь).

Tchouechov Viktor Ivanovich – Doctor of Philosophy, Professor of the Academy of Public Administration under the Aegis of the President of the Republic of Belarus (Minsk, Belarus).

E-mail: tchoue@mail.ru

© Чуешов В.И., 2021

Счастье человека и общества в свете философской осмотнительности

В популярном ооновском рейтинге стран по индексу счастья (World Happiness Report) удельный вес ВВП на душу населения в критерии коллективного счастья сопрягается и с уровнем коррупции, и с невесть каким образом реализуемой калькуляцией уровней доверия, великодушия и щедрости народов разных стран мира. От этого индекса счастья радикально отличается другой, уже Всемирный индекс счастья, распространяемый в современных медиа с легкой руки неформальной британской организации New Economic Foundation.

Если ооновский рейтинг счастья определяется по большей части через призму благополучия человека экономического (ВВП на душу населения), что, собственно, и позволило по нему в 2020 г. в тройку мировых лидеров войти Финляндии, Дании и Швейцарии, то с результатами замера индекса счастья по методике Нового экономического фонда ситуация иная. В них экономические показатели не используются принципиально, и неудивительно, что тройка мировых лидеров по уровню счастья, правда, в 2016 г., выглядит иначе: Коста-Рика, Мексика и Колумбия. Что касается Финляндии, нынешнего лидера по ооновскому индексу счастья, то она по шаблонам Всемирного индекса счастья в 2016 г. занимала лишь 37-е место, проигрывая Дании (32-е место) и Швейцарии (24-е место). Представляется, что для того, чтобы не закружилась голова от современных методик расчета индексов счастья, без определенного уровня философской рефлексии или философско-антропологической осмотнительности и прозорливости не обойтись.

Свой интерес к счастью и его параметрам философы могут, конечно, ограничивать простой констатацией разногласия мнений экспертов о том, каким образом в наши дни его следовало бы измерять в соответствии с принципами познавательного пессимизма и оптимизма. Однако еще больше своей осмотнительности и прозорливости они выкажут, направляя свою рефлексию на уроки классической и неклассической философии эвдемонизма, современных научных знаний об объективных и субъективных сторонах человеческого счастья и их повседневных интерпретациях. И в первом, и во втором случае они просто удостоверят, что давние притязания философии на особость в постижении сути идей счастья, добра, красоты, справедливости в истории философии и сегодня остаются ее прерогативой, реализацией природы их метазнания и метапознания, объектами которых являются не только философские тексты, но стихия повседневности и содержание коммуникации в науке [6].

Современный прицельный, организованный исследовательский интерес к человеку, какой бы язык объекта он не использовал, никогда не обходится без философской рефлексии, а также метаязыка. Однако напрямую реализовать ее обычно бывает не так просто, как кажется на первый взгляд. Непросто, поскольку она по необходимости предваряется их ответом на другой метапрос о том, как все же в наши дни возможна философская антропология в принципе. Одни эксперты от философии, отвечая на него, занимают позиции антропологического пессимизма, расценивая существование философской антропологии в современном мире как невозможное в принципе. На их фоне их оппоненты, сторонники радикального познавательного антропологического оптимизма, полагающие, что уже разгадали природу, сущность и экзистенцию человека, выглядят не менее подозрительно. В отличие как от первых, так и от вторых сторонники сдержанного, или, воспользовавшись эпитетом от Б.В. Маркова, розового философско-антропологического оптимизма благодаря своей меньшей категоричности и большей критичности как осмотнительности в конечном счете оказываются более прозорливыми и убедительными. Для них статус философского или метаинтереса к философии человека в современном мире не столь безнадежен, как считают пессимисты, и не так результативен, как представляют себе сторонники радикального антропологического оптимизма. Вместе с тем философско-антропологический оптимизм реализуется не механически, а оказывается жизнеспособным только тогда, когда он, во-первых, еще до своей содержательной реализации предварительно уже осмотнительно легитимизирован в пространстве современной науки и культуры, а во-вторых, выдержал критическую проверку современными научными фактами и концептуально нагруженными аргументами, философской рефлексией и одновременно глобальным и локальным, правовым и политическим, моральным и религиозным, конкретно-научным и обыденным опытом современного человечества. Поскольку горнило данного опыта, как показывает компаративный анализ результатов мировой философско-антропологической рефлексии, успешно проходят далеко не все современные школы философской антропологии и их выдающиеся представители, то розовому философско-антропологическому оптимизму многим из них еще предстоит научиться. Научиться постольку, поскольку, как мне представляется, большинство школ современного западного человекознания или чересчур пессимистичны, или излишне оптимистичны, игнорируя современные императивы философской осмотнительности и прозорливости. По

крайней мере, в находящих на слуху работах западного человекознания уверенная ориентация исследователя в мире современных научных фактов и аргументов о человеке, как, например, у Ю. Хара-ри, к сожалению, четко не координируется взвешенной философской рефлексией. И, наоборот, философский интерес к человеку, удовлетворяемый с помощью деконструкции данных и аргументов современной науки о человеке, как, например, в постмодернизме Ж. Дерриды, в котором всерьез поворачиваются спиной к данным современной науки и повседневности, также излишне оптимистичен, чтобы быть убедительным.

Отечественное человекознание в таком идейном раздоре находится куда как в более выигрышном положении по сравнению с лучшими образцами зарубежного человекознания, и не в последнюю очередь благодаря мастер-классам философской осмыслительности и прозорливости родоначальника Санкт-Петербургской школы философской антропологии Б.В. Маркова. От себя прибавлю, что в непростое постперестроечное время Б.В. Марков все же не отказал мне в чести стать научным консультантом по докторской диссертации о человеке аргументирующем, которую под его руководством я защитил в ноябре 1993 г. в Санкт-Петербургском государственном университете на кафедре онтологии и теории познания. Полагаю, что именно на этой кафедре под руководством Бориса Васильевича в бурных дискуссиях, монологах и полилогах об эросе и танатосе, познании и катарсисе, сердце и разуме и утверждалась не только Санкт-Петербургская, но и шире – российская школа философской антропологии.

Об императивах философской антропологической прозорливости

В современных рейтингах «Гугл академии», е-лайбры и др. ставшие уже классическими монографические работы Б.В. Маркова «Философская антропология: очерки истории и теории», опубликованная еще в 1997 г. и выдержавшая несколько изданий, «Храм и рынок. Человек в пространстве культуры» (1999), «Знаки бытия» (2001), «Человек, государство и Бог в философии Ницше» (2005), «Люди и знаки. Антропология межличностной коммуникации» (2011), «Человек в условиях современности» (2013), а также десятки глубоких статей по различным аспектам человекознания в авторитетных скопусовских и других изданиях неизменно находятся в числе лидеров. Благодаря им многие отечественные специалисты уже стали неплохо практически использовать уроки преимуществ ответственной философской осмыслительности, которые удерживают от рискованных поспеш-

ных обобщений, избавляя от эйфории всезнания, позволяют получать значимые по мировым меркам исследовательские результаты. В том числе и результаты относительно проблемного статуса приоритета «человека экономического» в природе, сущности, экзистенции человека, пусть даже и более или менее успешно измеряемых в многочисленных современных версиях капитала (человеческого и социального, культурного и символического, интеллектуального, эмоционального и т.д. капитала) [5].

Императивы философской осмыслительности своевременно предупреждают нас о том, что современная абсолютизация экономического в бытии и сущности человека зиждется на весьма шатких мировоззренческих и методологических основаниях. Их шаткость, согласно Б.В. Маркову, объясняется тем, что современная экономика, или власть над финансовыми потоками, почти утратила необходимые связи с трудом и стоимостью, стала во многих отношениях спекулятивной. Денежные единицы как знаки и символы труда, стоимости стали симулякрами, и сегодня «сколько "на самом деле" стоит доллар, не знает никто» [3: с. 458]. Финансовая симулякризация бытия человека в современном мире реализуется и в трансформации социальной структуры современного общества, в которой господствующим классом «является тот, кто определяет символическое переосмысление действительности» [3: с. 552].

Водоворот финансовой симулякризации в современном мире, по прозорливым оценкам Б.В. Маркова, столь глубок, что в него уже почти полностью втянуты природа и сущность человека, а также право, мораль и красота. Инструментом создания и утверждения современной финансовой симулякризации бытия являются медиа, превратившиеся в наши дни из каналов информирования и развлечения человека в средства накопления, приумножения различных видов и форм антропологического капитала, а также его монетизации. Характеризуя перспективы метаморфоз человеческого бытия в сетях новых медиумов, Б.В. Марков убедительно демонстрирует преимущества критической версии философско-антропологического анализа, оптимизма, учитывающего обстоятельства современной «смерти человека», трезво оценивающего выводы антропологического пессимизма, а также метафилософские рассуждения о невозможности и проблематичности самой философской антропологии в качестве первой философии. Благодаря такой установке качественная «философская аналитика остается востребованной в обществе, устойчивость и порядок которого определяют не истина и мораль, а масс-медиа» [4: с. 171].

Философская аналитика как способ обоснования оптимизма в человекознании, однако, отнюдь не так тривиальна или компилятивна, как могло бы на первый взгляд показаться некоторому скептику. Являясь метафилософской по своей сути, она в системном и методичном виде гарантированно обеспечивает получение как значимых, так и оригинальных результатов критической переоценки апологий и неоправданных ожиданий от философского структурализма как теоретического антигуманизма и критической теории как инструмента просвещения, эмансипации и практики. Она защищает нас от рискованной экспансии нищезнства и фрейдизма в лабиринты бытия и сущности человека, удерживает от веры в методологические обещания феноменологии и мировоззренческие революции экзистенциализма, а также от многих других не названных здесь *измов* и *ий*, которые определяют современные горизонты теоретического человекознания. В особенности тех из них, которые формируют авангард философских предпосылок как конкретно-научной, так и художественной рефлексии и обыденного дискурса о бытии и сущности, экзистенции человека, смысле его жизни и смерти.

Трудно не заметить позитивные уроки философской предусмотрительности, которая позволяет высвечивать остающиеся в тени проблемы современного глобального сетевого общества. Особенно те из них, которые востребованы в контексте современной практической ограниченности доступа разных людей ко многим ресурсам человеческого существования, издержек использования собственного потенциала народами, которые разделены национально-государственными квартирами в общем жилом доме современного глобального человечества.

С одной стороны, без философской осмотристельности и прозорливости мы обречены на прозябание в противоречивых хитросплетениях надежд на увеличение средней продолжительности человеческой жизни, роста уровня образованности наших современников, их компетентности и профессионализма. С другой стороны, на фоне снижения биофизической устойчивости и психосоциальной выносливости столь же опасной угрозой становятся надежды на компенсацию издержек неподлинного существования с помощью технологического совершенствования природы человека, реконструкции биофизиосоциального воспроизводства и производства тотальной симулякризации душевной и духовной жизни человека.

Важное значение философско-антропологической осмотристельности и прозорливости не может не усиливаться по причине того, что современная физико-химическая, биофизиологическая, психо-,

социо-, технологическая, а также душевная и духовная природа человека в пространстве и времени культуры и цивилизации и распределена неравномерно, и реализуется с различными скоростями. В тех пространственных ареалах, которые на первый взгляд более благоприятны для гармонии различных уровней природы человека, его сущность и экзистенция нередко являются примерами дисгармонии. Как следствие, высокие темпы изменений в человеческой природе, например, их технико-технологическая ипостась психологически и социально не обеспечивается, что чревато деградацией душевных, а также духовных уровней человеческой природы. В таком контексте методология философской осмотристельности заостряет наше внимание на полезности технологического и социального, душевного и духовного мелиоризма природы человека, призванного пусть отчасти компенсировать издержки деградации организма человека, его души и воли, устремлений духа.

В свете императивов философско-антропологической осмотристельности также и повсеместно утверждающийся в наши дни калькулятивный подход к человеку, апофеозом которого уже стал экономический империализм, непременно должен учитывать результаты философско-антропологической экспертизы и природы человека, и его сущности в контексте современных вызовов и угроз. На значимость такой экспертизы в свое время указывал еще Маркс, главный труд которого, по авторитетному мнению М.К. Мамардашвили, одновременно был, помимо прочего, «теорией науки и свободного духовного производства как особых форм деятельности сознания; и теорией сознания как орудия личностного развития человека и его ответственности в сфере культуры и исторического действия» [1: с. 14].

Маркс, с одной стороны, констатировал, что неинтересная для человека работа требует от него усилий целесообразной воли и концентрации внимания. С другой стороны, он указывал на то, что будущее труда как игры «интеллектуальных и физических сил», по компетентной интерпретации мысли Маркса Э. Фроммом, будет связано с «духовной эмансипацией человека» как освобождением **«его от уз экономической зависимости, в восстановлении его личностной целостности, которая должна была помочь ему отыскать пути к единению с природой и другими людьми** (выделено нами. – В.Ч.). Философия Маркса, – продолжал лидер фрейдо-марксизма, – на нерелигиозном языке обозначала новый радикальный шаг вперед по пути пророческого мессианства, нацеленного на полное осуществление индивидуализма, т.е. той цели, которой руководствовалось все западное об-

щественное мышление со времен Возрождения и Реформации и до середины XIX в.» [7: с. 375].

Религия и мифология были и остаются в наши дни субститутами коллективной души общества, при том, что потребности в мифологии, по крайней мере, первоначально обусловлены были суровой действительностью, удовлетворяясь через разнообразные традиции и обряды, ритуалы и табу, нормы. Их неукоснительно точное соблюдение контролировалось социальными институтами в соответствии с логикой животного страха, их представителями и регистраторами, определявшими границы приемлемого и допустимого, что, собственно, и способствовало формированию и развитию мифологии как коллективной души. Первоначально способом ее осуществления было коллективное бессознательное рода и племени. Оно и определяло те особенности поведения индивида, которые в поэмах Гомера связывались с проявлениями душевности, отзывчивости и приветливости, доброжелательности людей. Подчеркнем, именно такой душевности индивида и общества, которую Б.В. Марков емко и метафорически точно назвал сердцем, и на роль которого в условиях современной сытой и комфортной в информационном и технологическом отношении жизни человека все реже и реже обращают внимание, способствуя ее выведению из-под контроля социальных институтов и их представителей, ответственных за процесс образования и воспитания детей и взрослых. При этом упускается, что и в наши дни душевность проникает практически во все виды человеческого труда, напоминая о себе и в форме современной фетишизации информации, искусственного интеллекта, глобализации и т.д., и т.п.

Утрата философской диагностикой роли душевности в природе, сущности и экзистенции человека чревата не только снижением, но и почти полной утратой межличностного характера социальных взаимоотношений, что также отражается на состоянии коллективного бессознательного современного человечества. По крайней мере, на состоянии духовности, в которой научные знания, как топливо современной системы образования, сами по себе не гарантируют достижения высот человеческого духа в силу отрыва их от душевности человека, его доброжелательности, доброты, совестливости, отзывчивости, сострадания, жалости и т.д., и т.п. Без душевной «подушки» подлинные и утонченные формы духовности в современном мире также вряд ли в принципе возможны.

В отличие от душевности, которая обычно вплетена в ткань повседневной практической деятельности людей, духовность является результатом общественного разделения труда, отделения труда

умственного от физического, институционализации первого. В современном обществе духовные компетенции свидетельствуют о профессионализме личности и общества. Однако для их измерения иных, чем уровень образованности общества и интеллекта человека, и сколь-нибудь общих критериев, в отличие от индексов счастья, еще вроде бы не выработано. Неудивительно поэтому, что по преимуществу фактор образованности общества чаще всего включается, например, в интегральные, признанные международными институтами индикаторы социальной динамики. В горизонте философской рефлексии фактор образованности личности и общества, по-видимому, вряд ли является чем-то большим одного из возможных намеков на то, где коренятся истоки современной духовности, которые еще в прошлом столетии обычно соотносились с религиозным, художественным и философским опытом человечества.

Заключение

В свете императивов критической философской осмыслительности, ратуя за судьбы духовности в современном мире, очевидно, разумно было бы зарезервировать за философией постоянное место в современной системе высшего, прежде всего, университетского образования. Сохранение преподавания философии следует рассматривать в качестве задачи не только преподавательского сообщества, но и представителей всех социальных институтов.

Если душевность – основа схождения, а духовность – расхождения людей, а также их специализации, профессионализма, то их современное объединение предполагает мелиорацию как черствости и неделикатности человека, так и его профессиональной ограниченности и институциональной зашоренности. На путях данной мелиорации действительно открываются новые перспективы движения от постижения сущностей первого к выявлению сущностей второго и т.д. порядка человека, а также уровней его экзистенции в современном мире.

Аристотелевская максима: «Платон мне друг, но истина дороже!» как мотто инновационного развития современного университетского образования не только указывает нам на приоритет духовности над душевностью в иерархии природы человека. Оправдан и естественен в этой связи живой интерес современных исследователей к парадоксальным особенностям так называемого эмоционального интеллекта, или, строже выражаясь языком классической философии, к механизмам формирования и воплощения душевности человека в качестве ресурса инновационного интеллектуального развития современного человека и общества. Императив философской осмыслительности еще за-

долго до современных дискуссий о природе эмоционального интеллекта, в разгар антропоцида в отечественной истории накануне нового тысячелетия, подталкивал Б.В. Маркова к доказательству необходимости и желательности соединения усилий сердца и разума, сущности и экзистенции человека [2]. Такое единение в наши дни стало критерием индекса счастья человека и общества. Однако реализовать его в жизни современной семьи, в системе образования, в искусстве и даже в религии посредством одних новых медиа, без философской аналитики у нас все же вряд ли получится.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мамардашвили, М.К.* Анализ сознания в работах Маркса / М.К. Мамардашвили // Вопросы философии. – 1968. – № 6. – С. 14–25.
2. *Марков, Б.В.* Сердце и разум: история и теория менталитета / Б.В. Марков. – Санкт-Петербург : Из-во Санкт-Петербургского ун-та, 1993. – 229 с.
3. *Марков, Б.В.* Знаки бытия / Б.В. Марков. – Санкт-Петербург : Наука, 2001. – 566 с.
4. *Марков, Б.В.* Человек в условиях современности / Б.В. Марков. – Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2013. – 432 с.
5. *Чуешов, В.И.* Человеческий и социальный капитал как факторы экономического роста / В.И. Чуешов, В.В. Богатырева // Проблемы современной экономики. – 2020. – № 2. – С. 53–56.
6. *Чуешов, В.И.* Понятие философа и философии, или об актуальности метафилософии / В.И. Чуешов // Философия и социальные науки. – 2014. – № 1. – С. 21–25.
7. *Фромм, Э.* Марксова концепция человека / Э. Фромм // Душа человека / Э.Фромм ; пер. Э.М. Телятниковой. – Москва : Республика, 1992. – С. 375–414.